

УДК 26

К.М. Ханбабаев

Актуальность изучения проблем религиозно-политического экстремизма

Раскрываются сущность и специфика современного религиозно-политического экстремизма в мире и России. Указаны актуальные проблемы изучения этого общественно-политического явления. Необходимы широкие научные исследования феномена радикализации и политизации ислама, религиозно-политического экстремизма. Это позволит разработать рекомендации для практического построения научно обоснованной и действенной государственной системы противодействия экстремизму и терроризму, их профилактики.

Ключевые слова: *религиозно-политический экстремизм, терроризм, мир, Россия, стратегия противодействия экстремизму и терроризму.*

The essence and specificity of the modern religious-political extremism in Russia and the world are revealed in the article. The actual problems in the study of socio-political phenomenon are indicated extensive research of the phenomenon of radicalization and politicization of Islam, religious and political extremism are required. It will allow to develop recommendations for the practical construction of scientifically sound and effective public system of countering extremism and terrorism prevention.

Keywords: *religious-political extremism, terrorism, world, Russia, the strategy to counter extremism and terrorism.*

В современном обществе религиозно-политический экстремизм пытается изменить государственный строй или насильно захватить власть, нарушить территориальную целостность государства. Преобладание силовых методов борьбы для достижения своих целей отличает современный экстремизм на религиозной основе, который выдвигает на первый план свои религиозные постулаты и лозунги. Современный религиозно-политический экстремизм неотделим от терроризма. Большинство государств мусульманского мира сталкивается в настоящее время с проблемами религиозно-политического экстремизма под исламскими лозунгами, многие представители которого делают ставку на насильственные методы политической борьбы, включая террористические акты.

Интенсивность развития этого социального явления в мусульманском мире обусловлена целым рядом объективных причин. Ускоренная модернизация мусульманских стран неизбежно сопровождается ростом городов, эрозией деревенского уклада жизни, кризисом традиционных социальных структур, усилением имущественной дифференциации и, как следствие этого, распространением во многих социальных группах страха перед будущим. Свою роль играет и потеря идеологических ориентиров, связанная с разочарованием в идеях арабского национализма, выявившейся несостоятельностью социалистических проектов и сохраняющимся у значительной части населения неприятием капитализма и либеральных ценностей, которые ассоциируются с колониализмом, наркоманией, распадом семейных уз.

Мусульманские страны сильно отстают в развитии науки и техники от развитых стран Запада. «Доля мусульман среди всех ученых мира сегодня составляет всего один процент (в одном Израиле живет больше ученых, чем во всех мусульманских странах вместе взятых). В арабских странах ежегодно переводится лишь около 300 иностранных книг – в пять раз меньше, чем в Греции. Капиталовложения в научные исследования здесь составляют одну седьмую от среднемирового уровня. В 56-ти странах – членах организации «Исламская конференция» – проживает пятая часть населения земли,

но они совместно производят меньший валовой национальный продукт, чем одна Франция» [1, с. 219].

В последние годы широкую известность в мире получили работы, посвященные изучению проблем влияния культуры и религии на экономику, которые приводятся в рамках исследовательского проекта «Культура имеет значение» (Culture Matters Reserch Project) на базе университета Тафт (Бостон, США). Исследователи этого проекта считают, что в Европе и США протестантские ценности и принципы способствовали укреплению доверия к людям, развитию общественных институтов, становлению высоких стандартов гражданских и политических свобод, сдерживанию коррумпированности. Соответственно они оказали положительное воздействие на динамику и качество экономического роста.

Схожие результаты получены в ходе выполнения более обширного проекта по этой тематике. Здесь уже 117 стран были сгруппированы по религиозной принадлежности. Выводы свидетельствуют о том, что страны, на историю и культуру которых главное влияние оказывали протестантизм, иудаизм и конфуцианство, добиваются гораздо лучших социальных и экономических результатов, чем общества, где доминирующей конфессией были католичество, ислам и православие [2, с. 98].

Распространение экстремистских идей и настроений стимулируется недовольством в отношении экономической и политической экспансии Запада в исламском мире, а также неурегулированностью арабо-израильского конфликта, периодическими обострениями ситуации в Ираке, Афганистане и попытками стран Запада воздействовать на политические процессы в Иране.

В этих условиях те, кто не видит для себя выхода в будущем, обращаются к прошлому, к «золотому веку» ислама, который они мечтают возродить, претворив в жизнь принципы подлинного, очищенного от позднейших наслоений ислама. На основе этой подлинной религии экстремисты мечтают построить общество социальной справедливости, коренным образом отличающееся от неверных, джахилийских государств, забывших заветы пророка. Необходимо отметить, что социальные, политические и экономические воззрения приверженцев экстремистских учений достаточно путаны, содержат зачастую противоречивые положения и в большинстве своем противоречат политической реальности.

Как пишет И.В. Кудряшова, «политический ислам востребован, он выражает чаяния широких общественных слоев – а какие его проявления – деструктивные или конструктивные – станут преобладающими, зависит как от конкретных внутренних условий мусульманских политий, так и от того, насколько устойчиво будет развиваться современный мир» [3].

Системные преобразования на рубеже XX–XXI вв. в ряде мусульманских государств привлекают пристальное внимание исследователей прежде всего к фундаменталистскому и радикальному исламу, который стал фактором мировой политики и, тем самым, предметом философского, религиоведческого, политологического, правоведческого и социологического анализа. Исследователями давно замечено, что «происходит исламизация политики и политизация ислама, и любое политическое действие, если не эксплицитно, то имплицитно соотносится с этим вероучением, а само оно в большей степени превращается в политическую доктрину» [4, с. 210]. Для достижения своих, порой диаметрально противоположных целей, к исламу обращаются как консервативные, так и либеральные силы, прогрессивные и реакционные лидеры партий, политических и общественных движений.

В современных условиях ислам приобретает все большее значение для внутренней политики не только мусульманских стран или государств со значительным мусульманским населением, но также ряда западных стран. В этом отношении ситуация в этих

государствах похожа на положение в России, имеющей исламские регионы на Кавказе и Поволжье, а также значительное количество исповедующих ислам граждан в городах европейской части. По словам Президента РФ Дмитрия Медведева, в России проживает 182 этнические группы, и 57 из них отождествляют себя с исламом [5].

Мусульманская община в нашей стране стремительно растет: достаточно заметить, что рекорды воспроизводства населения в России ставят в нескольких северокавказских республиках, где больше половины жителей моложе 30 лет. Эти же регионы в числе лидеров по количеству призывников: в 2008 г. британский журнал «The Economist» вычислил, что уже через шесть лет мусульмане в Российской Армии окажутся в большинстве [5].

К тому же, после распада Советского Союза Россия окружена независимыми государствами Центральной Азии, где преобладает исламское население. Один из основателей и редактор ежеквартального журнала «Journal of Contemporary History», выходящего в Лондоне и Вашингтоне, председатель Совета по международным исследованиям (International Research Council) при Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне (Center for Strategic and International Studies, CSIS), Уолтер Лакер (Walter Laqueur) в статье «Российская стратегия в отношении мусульман: внешняя политика. Ислам – «судьба России» пишет, что «один из главных вызовов, с которыми Россия сейчас имеет дело, – это ее отношения с исламом как внутри страны, так и во внешней политике» [6].

По мнению экспертов Алексея Маруева и Алексея Карпенко, геополитическое положение России как евразийской державы требует повышенного внимания к военно-политическим процессам, происходящим в США и Европе (западный вектор), в Азии (восточный вектор), соответствующей адаптации российской политики в отношении Севера (северный вектор), а также к ситуации в южных регионах, прилегающих к геополитическому пространству России (южный вектор) [7]. При этом южное направление – наиболее напряженное с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Именно на южном фланге нашего государства происходят события, которые напрямую влияют на его безопасность и требуют четкого определения геополитических интересов России, особенно в Кавказском регионе. Поэтому основное внимание необходимо уделить формированию и реализации интересов на юге РФ.

Исламские радикалы называют существующие правительства светскими, полагая при этом, что они применяют на практике западный правовой кодекс, а не мусульманское право. Поэтому восстановление халифата является еще одной из задач радикального исламского движения, рассматриваемой в качестве необходимого условия достижения единства мусульманского сообщества под руководством одного халифа.

В интервью газете «Российские вести» [8] специалист по проблемам Ближнего Востока, профессор международной политической экономики в Университете Джона Хопкинса Фрэнсис Фукуяма отвечал на вопросы о сущности радикального ислама в мире. По его мнению, «радикальный ислам не представляет высокоуважаемую и привлекательную цивилизацию, в рамках которой хотели бы жить люди, привыкшие к современным развитым обществам. Никто не хочет жить в Афганистане, находящемся под управлением талибов, или в Саудовской Аравии...». Он считает, что радикальный ислам является одной из угроз современным либеральным идеям и ценностям.

Радикальные исламисты, по мнению Ф. Фукуямы, потенциально могущественны по двум главным причинам. Первая из них – оружие массового уничтожения. Существует опасность, что маргинальная политическая группа сможет получить контроль над ним и нанести колоссальный ущерб странам и народам. Вторая причина, она наиболее важна для Европы и России, а также и для США, – наличие мусульманских мень-

шинств, которые значительно труднее ассимилируются по сравнению с иными этническими меньшинствами.

В качестве аргумента в пользу либеральных идей и рыночной экономики он приводит один показатель, доказывающий это, – «голосование ногами». Существует огромная иммиграция мусульман в США, Западную Европу и иные развитые общества, но практически нет движения людей в обратном направлении. Это говорит о том, что люди, обладающие свободой выбора, предпочитают жить в западных обществах с их низким уровнем рождаемости, а не в мусульманских странах с их высоким репродуктивным [8].

В современных условиях важно исследовать сложную и противоречивую совокупность внутренних и внешних предпосылок и условий социально-экономического и политического характера, которые способствуют формированию религиозно-политических экстремистских тенденций на постсоветском пространстве. По мнению известного отечественного религиоведа и политолога Александра Игнатенко, к ним можно отнести противоречия «догоняющей модернизации», деформирующую роль «независимого развития», демографические диспропорции, поощрения со стороны спецслужб отдельных государств, инструментальное использование религии как мобилизующей идеологии и др. [9].

Автор рассматривает экстремизм и терроризм как серьезную угрозу безопасности и стабильному развитию российского общества. Мы исходим из того, что экстремизм в современной России, как и в других странах мира, имеет различные проявления, одним из которых является религиозно-политический экстремизм, наиболее распространенный в Северо-Кавказском регионе. Преследуя далеко идущие политические цели, религиозно-политический экстремизм в регионе наносит также серьезный ущерб мусульманской религии, общечеловеческим ценностям, т. к. пропагандирует религиозную нетерпимость и насилие в обществе.

Экстремизм и терроризм в настоящее время стали крупной социальной проблемой, негативно влияющей на многие важные аспекты развития государства. В Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» подчеркивается, что в современном мире «получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма» [10]. В разделе «Государственная и общественная безопасность» эта угроза конкретизируется в отношении России: «Экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур направлена на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране». Далее в указе говорится, что в стране «развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности, включая международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм».

Россия, столкнувшись в 1990-е годы с прямой масштабной атакой международного религиозно-политического экстремизма и терроризма, была вынуждена отразить эту атаку сначала военными средствами, а потом и начать систематическую работу по профилактике экстремизма и терроризма и всеми другими невоенными методами. На наш взгляд, в стратегической перспективе после снятия прямой военной угрозы целостности государства и прекращения масштабных боевых действий именно гуманитарные, а не силовые методы противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму приобретают решающее, определяющее успех значение.

Президент РФ Д.А. Медведев подчеркивает: «...Сегодня налаживание самого широкого межцивилизационного диалога, воспитание людей в духе толерантности и ува-

жения интересов друг друга являются совместной задачей и государств, и религиозных объединений, и национальных систем образования» [11, с. 3].

Для создания эффективной и стратегически верной государственной системы предупреждения экстремизма и терроризма в соответствии с п. 4 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» необходимо провести анализ и классификацию причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в экстремистскую и террористическую деятельность, и разработать рекомендации по влиянию на эти причины и условия. Для конкретной реализации этой задачи необходимо:

- построить классификацию причин и условий, установить ее структуру, иерархию и региональное распределение;
- выявить причины и условия, требующие приоритетного влияния;
- разработать рекомендации по влиянию на эти причины и условия, указать возможные индикаторы эффективности влияния.

Предлагаемая нами классификация причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в экстремистскую и террористическую деятельность, ориентирована прежде всего на практическое построение научно обоснованной и действенной государственной системы противодействия экстремизму и терроризму.

Она должна опираться на системный подход в понимании экстремизма и терроризма. Это значит, что экстремизм и терроризм будут рассматриваться как определенные социальные явления, представляющие собой сложнейшую систему из множества взаимодействующих между собой элементов и совокупности отношений и связей между этими элементами. Такой подход является самым эффективным из всех возможных, т. к. он позволяет не упустить ни один важный фактор и/или взаимодействие факторов в структуре экстремизма и терроризма как явлений и, в конечном итоге, создать адекватную (а значит, и практичную) модель соответствующих причин и условий.

Прежде всего, следует отметить, что создаваемая модель причин и условий является конкретно-исторической, т. е. описывает причины и условия вовлечения граждан в экстремистскую и террористическую деятельность не в общем, а именно граждан современной России. В истории цивилизации экстремизм и терроризм возникали и раньше и в России, и в других странах, однако его сущность могла сильно отличаться от современного экстремизма и терроризма, который мы наблюдаем в России. Мы понимаем экстремизм и терроризм в конкретно-историческом и национальном ключе, мы рассматриваем их и как часть современного общечеловеческого явления, от которого тяжело страдают и многие другие государства. Именно такое, вытекающее из системного подхода, сочетание конкретно-национального и общечеловеческого в изучении религиозно-политического экстремизма и терроризма позволяет синтезировать опыт отечественных и иностранных религиоведов, социологов, политологов, философов, историков, конфликтологов и психологов.

В своем обращении от 7 октября 2007 г., провозглашая Имарат Кавказ, Докку Умаров отметил, что борьба за шариатский порядок не должна ограничиться территорией Северного Кавказа и даже России, и призвал своих сторонников к всемирному джихаду.

«Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все, кто напал на мусульман, где бы они ни находились, – наши враги», – заявил Умаров, назвав в числе таких «врагов» Америку, Англию, Израиль и «всех, кто ведет войну против ислама и мусульман».

В сентябре 2008 г. на сайте, освещающем деятельность и устройство Имарата Кавказ, появилось сообщение о том, что «на данный момент Вооружённые Силы Имарата Кавказ в значительной степени контролируют горные районы Дагестана, Ичкерии, Ингушетии, Кабарды, Балкарии и Карачая». Указанные территории определены как «зона военной активности ВС Имарата Кавказ». При этом в качестве «зоны военных действий

диверсионного характера» определены «предгорные и плоскостные районы и населённые пункты указанных вилайятов, а также вилайяты Иристон (Северная Осетия (11 мая 2009 г. Иристон был упразднён и включён в состав вилайята Галгайче – Ингушетия)) и Ногайская степь (Ставропольский край), западные и причерноморские районы Северного Кавказа», а также «Приволжский и Уральский регионы РФ».

Новой особенностью борьбы сторонников Имарата стало расширение не только его территориальных пределов, но и самого понятия врага. В интервью Prague Watchdog от 4 июля 2009 г. Докку Умаров дал понять, что отныне мишенью борьбы «моджахедов» являются не только силовики, но и гражданское население – за то, что принимает руководство поддерживаемых Москвой республик Северного Кавказа.

Те, кто сегодня воюет в Чечне и других республиках Северного Кавказа, уже не говорят о борьбе за независимость Ичкерии. У них совершенно другие идеалы и совершенно иные задачи. Умаров перевел войну в религиозное противостояние, где с одной стороны находятся моджахеды, то есть борцы за веру, а с другой – *кафиры* (неверные), оккупировавшие мусульманские республики Кавказа, и их пособники – *муртады* (отступники) из числа местных «национал-предателей».

Конфликт в рамках лагеря боевиков Северного Кавказа сейчас представляет собой спор двух идеологий: «сепаратистского этнического национализма (целью которого видится суверенная Чечня даже без братской вайнахской Ингушетии)» и «универсалистского религиозного проекта», при котором борьба индивида «включается в часть глобального джихада, а ее конечная цель не ограничивается Северным Кавказом, и даже, по большому счету, Россией», – отмечает заместитель директора Российского института политического и военного анализа Сергей Маркедонов.

По мнению политолога, противники власти, борющиеся за Имарат Кавказ, имеют более сильную идеологическую мотивацию, чем сепаратисты, которые строили независимую Чечню на основе противостояния ее с «империей».

Российский историк Борис Соколов видит завершение борьбы, которую российские силовые структуры ведут против бандподполья на Северном Кавказе, в одном из трех сценариев. «Сценарий первый: исламское подполье разгромлено, национальные республики Северного Кавказа остаются в составе Российской Федерации. Сценарий второй: республики Северного Кавказа обретают политическую независимость и там устанавливаются режимы, дружественные России и способные обуздать радикальных исламистов. И, наконец, третий сценарий: на месте северокавказских республик образуется крайне враждебное России исламское государство – Имарат (эмират) Кавказ», – пишет Соколов [12].

С 2003 г. сотрудники правоохранительных органов России ликвидировали более 2 тыс. боевиков и почти 6,3 тыс. задержали в республиках Южного федерального округа. За это же время изъято около 20 т взрывчатых веществ. В 2009 г. в ЮФО ликвидированы или задержаны почти 750 боевиков, сообщил представитель Министерства внутренних дел России. Также правоохранительные органы России сообщают о пресечении с 2003 г. на Северном Кавказе преступной деятельности 43 наемников и эмиссаров зарубежных террористических центров, среди которых Абу Хавс, Абу-Омар, Абу Джарах Узули, Махмуд Хамам Аль-Ханав, Абу аль-Валид Аль Гамиди.

Александр Игнатенко [13] отмечает геополитический характер современного экстремизма, терроризма: «Террористические акты на Северном Кавказе и в Центральной Азии происходят практически ежедневно. Можно констатировать, что в этих регионах фактически началась необъявленная война. И северокавказские, и центрально-азиатские террористы преследуют одну цель: создание на своей родине исламского государства. По сути, сегодня на территории СНГ образовалась единая дуга нестабильности, простирающаяся от Центральной Азии до Северного Кавказа».

По мнению эксперта Фонда национальной и международной безопасности Олега Хлобустова, «в ближайшие годы очаги терроризма, достаточно влиятельные террористические организации сохранятся в Пакистане, Афганистане, Ираке, Северной Африке, Косово, Центральном-Азиатском регионе (ЦАР), что может самым непосредственным образом сказываться на оперативной обстановке в СНГ» [14].

К сожалению, количество террористических актов по всему миру продолжает расти. Согласно экспертным оценкам, в 2008 г. в мире произошло около 12 тыс. террористических актов, в результате которых пострадало 56 тыс. чел., в т. ч. 15 тыс. погибло. При этом большинство из жертв – мирные жители, включая женщин и детей [15].

По прогнозам американских аналитиков, они не видят реальных перспектив разгрома формирований «Аль-Каиды» ранее 2012–2015 гг. Более того, по прогнозу американских аналитиков из Национального совета по разведке, «к 2020 году на смену Аль-Каиде придут не менее фанатичные, но более децентрализованные группы исламских экстремистов» [16, с. 125].

Особо хочется отметить, что, несмотря на принимаемые на международном и национально-государственном уровнях меры, борьба с экстремизмом остается одной из главных задач, стоящих перед государством. Эффективность работы в данной сфере в немалой степени зависит и от успешной деятельности институтов гражданского общества и предполагает консолидацию усилий всех граждан страны. Совместными усилиями государства и общественности религиозно-политическому экстремизму должен быть дан своевременный и адекватный отпор, что особенно важно в условиях многонациональной и многоконфессиональной России.

В России особая активность исламских радикалов стала отмечаться с конца 80 – начала 90-х годов XX в., когда ими проповедовались идеи всеобщей исламизации населения. В эти годы наблюдались рост числа приверженцев исламского радикализма в форме ваххабизма, особенно в Чечне и Дагестане, их стремление подчинить своему влиянию официальные культовые учреждения, а также противопоставить верующих органам власти, создание ими религиозно-политических структур и вооруженных формирований, укрепление контактов с руководителями некоторых экстремистских движений как внутри страны, так и за ее пределами, отрицание религиозно-политическими экстремистами форм бытования народного ислама (ритуалов поклонения «святым» местам и устазам, погребальной и поминальной обрядности, тариката и т. д.), традиционных факторов регулирования общественного поведения (уважение к старшим, признание их авторитета), этнокультурных особенностей россиян. Попытки религиозно-политических экстремистов изменить их жизненный уклад вызывают негативное отношение со стороны абсолютного большинства местного населения. Эксперты отмечают, что наметились дезинтеграционные процессы в регионах компактного проживания мусульман в России, что находит свое выражение в конфликте поколений и религиозной дифференциации внутри мусульманской общины России.

Последователи «чистого ислама» в России заявляли, что на земле должен действовать только закон Аллаха, а все другие законы, написанные людьми, не подлежат исполнению. И для установления всеобъемлющего божественного закона необходимо объявить джихад.

Таким образом, в России наряду с возрождением и заметной политической активизацией традиционного ислама появляется и постепенно утверждается ранее малоизвестное здесь течение ислама – ваххабизм, представляющий собой ярко выраженное религиозно-политическое движение в суннитском исламе.

Со временем религиозно-политические экстремисты перестали скрывать свои политические цели, которые сводились к силовому захвату власти в республиках Северного Кавказа, построению в перспективе в ряде территорий Кавказа исламского госу-

дарства – «Исламского халифата». Такая их идейная и политическая позиция порождает внутриконфессиональный конфликт в мусульманских общинах России. Следует отметить, что подобное развитие событий характерно не только для России, но и для стран Центральной Азии, а также других стран и регионов, где нашли активное распространение идеология и практика исламского радикализма. Так, авторы книги «Политические системы и политические культуры Востока» справедливо утверждают, что «сейчас политический ислам уже есть на юге Казахстана и Киргизии, исламисты играют очень важную роль в Таджикистане и представляют реальную силу в Узбекистане. В этом плане весьма возможно постепенное, анклавное превращение республик региона в исламские страны... Приход радикалов и экстремистов не только вызовет катастрофические потрясения в Центральной Азии, но и будет прямо угрожать всем сопредельным странам, и в первую очередь России» [17, с. 7].

В связи с этим в современных условиях весьма актуальны необходимость философского, религиоведческого, исторического, политологического, правоведческого анализа проблем, связанных с теорией и практикой исламского радикализма, религиозно-политического экстремизма и терроризма, исследования условий, обусловивших их появление в суннитском исламе, выявление и характеристики основных, определяющих факторов, влияющих на распространение религиозно-политического экстремизма и терроризма, идей радикального ислама в современном мире, СНГ, России, путей их преодоления.

Исследования, касавшиеся идеологических проблем в странах мусульманского Востока, затрагивали данный вопрос в части воздействия ваххабитских идей на характер национально-освободительного движения тех или иных народов, роли и места ваххабизма в идеологии и практике стран Аравийского полуострова и Персидского залива. В отечественной науке к настоящему времени религиозно-политический экстремизм не рассматривался как религиозно-политическое течение в исламе со своей специфической догматикой и религиозно-правовой регламентацией тех или иных норм и правил, известных исламу.

Однако в конце XX – начале XXI вв. он получил достаточно широкое распространение за пределами указанных стран и регионов, что вызывает к нему вполне оправданный и адекватный научный интерес как с точки зрения специфики его религиозно-культурной практики, так и с точки зрения характера интерпретации исламской религиозно-правовой доктрины.

События августа-сентября 1999 г., когда из Чечни в Дагестан вторглась «исламская миротворческая армия», в которую входила некоторая часть мусульманского населения Северного Кавказа, которая пошла за сторонниками идеологии радикального ислама, показали необходимость изучения феномена исламского радикализма и религиозно-политического экстремизма в России. Антитеррористическая операция на Северном Кавказе продолжается. Несмотря на определенные успехи в борьбе с экстремизмом и терроризмом, достигнутые федеральными и региональными правоохранительными органами за последние годы, усиление террористической деятельности радикально настроенных представителей религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе и за его пределами показывает, что борьба с последним носит долговременный характер. Необходимы широкие научные исследования феномена религиозного возрождения, глубокий и всесторонний анализ причин, условий и особенностей процесса радикализации и политизации ислама, религиозно-политического экстремизма. Анализ и классификация причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в экстремистскую и террористическую деятельность, позволят разработать рекомендации для практического построения научно обоснованной и действенной государственной системы противодействия экстремизму и терроризму, их профилактики.

Литература

1. *Кулиев В.Д.* Проявление политического и этнического экстремизма в исламе: корни существования и условия развития // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 2 т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. – Махачкала: Лотос, 2008. Т. 1.
2. *Зайченко Александр.* Религиозная культура и развитие экономики в странах Европы // Современная Европа. 2008. № 1 (33). Январь-март.
3. *Кудряшова И.В.* Идеологический дискурс политического ислама // Политическая наука. 2003. № 4 – С. 133–148.
4. *Философия и религия на зарубежном Востоке: XX век.* – М., 1985.
5. *Сухов Иван.* Олимпийская мечта. Дмитрий Медведев выслушал пожелания мусульманского духовенства // Время новостей. 16.07.2009.
6. Middle East Papers of Middle East Strategy at Harvard (MESH). 11.01.2010.
7. Защита южного подбрюшья // <http://www.rosbalt.ru/2010/03/09/718714.html>. Росбалт-Кавказ, 09.03.2010.
8. *Григорьев Александр.* Фрэнсис Фукуяма: как выжить в современном мире // Российские вести. 21–28.09.2005.
9. *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Доклад на семинаре в Московском центре Карнеги. – М., 2000.
10. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации. 12 мая 2009 года № 537 // <http://news.kremlin.ru/>
11. *Медведев Д.А.* Участникам и гостям Международной конференции «Ислам победит терроризм» // Материалы Международной конференции «Ислам победит терроризм». – М., 2008.
12. *Соколов Б.* Что вместо «Имарата Кавказ»? // Русский журнал. 07.2009.
13. *Игнатенко Александр.* На Северном Кавказе и в Центральной Азии действуют отряды «Аль-Каиды», реализующие единую цель – создание мирового халифата // Россия. 09.07.2009.
14. *Хлобустов О.* О перспективах борьбы с терроризмом в государствах СНГ. 29.10.2007 // <http://www.chekist.ru/article/1873>.
15. *Соболев В.* Противодействовать идеологии терроризма // ИТАР-ТАСС. 24.06.2009.
16. Россия и мир в 2020 году: Доклад Национального разведывательного совета США «Контурные мирового будущего». – М., 2005.
17. Политические системы и политическая культура Востока. – М.: Восток–Запад, 2006.

Поступила в редакцию 12 апреля 2011 г.